

В гуманитарных науках, в том числе и юриспруденции, устоялось общепризнанное представление о духовных ценностях человека как о совокупности его моральных, нравственных, этических и религиозных убеждений, представляющих для него значимость и формирующих мировоззрение. Формирование духовных ценностей человека обуславливается духовными ценностями окружающих его членов общества, в то же время и сами духовные ценности индивида обуславливают уровень духовного развития последнего.

Постоянное пристальное внимание государства к духовно-нравственным ценностям народа обуславливается тем, что они выступают неотъемлемым элементом в формировании национального самосознания – основы национального суверенитета.

Национальное самосознание проявляется в осознании нацией своей аутентичности, выражающейся во взглядах, идеях, мнениях, чувствах, настроениях, эмоциях членов общества и выражающей содержание и особенности их представлений о национальной идентификации, об уровне развития самого общества и государства. В этой связи в ряде научных публикаций категория «национальное самосознание» рассматривается в тесной привязке к государству и называется национально-государственным самосознанием, формирование которого являет собой непрерывный процесс приобщения каждого члена общества к его культурным, этническим, моральным и нравственным ценностям. Создаваемые нацией материальные и нематериальные ценности, в свою очередь, выступают средствами выражения ее культуры.

Национальная культура представляет собой исторически обусловленный определенный уровень развития нации, творческих сил и способностей ее представителей, выражающийся в типах и формах организации жизнедеятельности людей, в совокупности созданных ею материальных и духовных ценностей и знаний, а также выступает средством формирования сознания и деятельности индивида и общества во всех сферах их жизни, в том числе и в области осуществления публичной власти. Культура также определяется как качественное состояние уровня развития общества на определенном этапе его развития, а ее сущность проявляется в степени осуществления прав и свобод личности.

Неотъемлемым элементом культуры, в том числе и национальной, выступает правовая культура. В теории права нередко анализируемая правовая категория дефинируется по-разному. Так, например, в рамках деятельностного подхода правовая культура представляет собой творческую деятельность человека, в процессе осуществления которой она полностью соответствует ценностям, закрепленным в регулирующей ее норме права. В контексте семиотики права она рассматривается как знаковая система запретов и предписаний, зафиксированная в общественном сознании. Исходя из аксиологического представления правовая культура является совокупностью исторически сформировавшихся и постоянно развивающихся ценностных установок, представлений, знаний о праве как о важном социальном регуляторе, отражающем общий уровень развития как индивидуального, так и коллективного правосознания и объективное отношение гражданского общества к праву и государству. В рамках последнего подхода правовая культура существует на индивидуальном и общественном уровнях. Если на индивидуальном она проявляется в понимании права личностью, его ценностных установок и глубоком знании о нем, в сознательной потребности осуществления правомерного поведения, то на общественном представляет собой всеобщее признание всеми членами общества правовых ценностей, закрепленных на уровне законодательства, что и предопределяет высокий уровень развития последнего. В этой связи государство и общество заинтересованы в формировании и постоянном повышении уровня правовой культуры населения. Эффективными средствами ее реализации являются: распространение юридических знаний посредством современных средств коммуникации, в том числе средств массовой информации; получение необходимых базовых юридических знаний в рамках образовательного процесса на всех уровнях во всех учреждениях образования. Привитие правовой культуры каждому члену общества является основой формирования высокого уровня индивидуального и, как следствие, группового и общественного правосознания, которое находит непосредственное выражение в правомерном поведении.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что в системе средств формирования национального самосознания правовая культура занимает одно из важных мест. Являясь структурным элементом культуры, она представляет собой систему исторически сформировавшихся и постоянно развивающихся ценностных, исторически устоявшихся правовых установок, способствующих развитию белорусского государства и реализации прав человека и гражданина.

УДК 34(09)

В.А. Данилов

УЧАСТИЕ МИЛИЦИИ БССР В ВОССТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СЕТИ ДЕТСКИХ ДОМОВ (1944–1953 гг.)

До Великой Октябрьской социалистической революции в России социального института «детский дом» не существовало, так как не было потребности в подобного рода учреждениях. И здесь причина заключалась в полном равнодушии государства к судьбам сирот. Остроту вопроса частично снимала значительная сеть домов призрения, открытых на средства земств и городов. Однако большинство сирот были вынуждены заниматься нищенством, рекрутировались во взрослую криминальную среду, погибали в раннем возрасте.

Положение с детской безнадзорностью, беспризорностью и сиротством существенно ухудшилось с началом Первой мировой войны и особенно в ходе революционных событий и Гражданской войны в 1917–1920 гг. По неполным подсчетам исследователей число сирот и беспризорников превысило 5 млн. Проблема приобрела общегосударственный характер, что потребовало принятия чрезвычайных мер в масштабах всей страны. Одним из таких мероприятий стало создание сети казенных учреждений для сирот – детских домов, что позволило в целом решить в 20–30-х гг. проблему детского сиротства и беспризорности.

Вторая волна детского сиротства и беспризорности связана с Великой Отечественной войной. В БССР только в первом полугодии 1945 г. было обнаружено, изъято с улиц и учтено 52 580 детей-сирот.

В этой связи одним из важнейших направлений государственной политики в решении обозначенной проблемы являлись организация, материально-техническое обеспечение деятельности, размещение, содержание детей-сирот в детских домах и налаживание воспитательной работы с ними. Особое значение в этом деле отводилось органам внутренних дел. Задача организации сети детских домов для устройства в них детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, детей-сирот определялась в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

Для БССР задачи органам внутренних дел были намечены в постановлении СНК республики от 14 февраля 1944 г. № 40 «Об организации для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, специальных детских домов и детских приемников-распределителей», где предусматривалось к 1 апреля 1944 г. создание в освобожденных районах сети специальных детских домов вместимостью 3 тыс. детей от 3 до 13 лет, из них в Гомельской области – на 1 300, в Могилевской – на 850, в Витебской – на 350 и в Полесской – на 500 детей. НКВД БССР поручалось осуществлять проведение повседневного контроля за ходом организации детских домов и за их работой. Для этого НКВД назначил специальных представителей в Гомельскую, Могилевскую, Витебскую и Полесскую области. Создание детских домов не терпело отлагательства – осенью 1944 г. только в Гомельской области из учтенных 4 696 детей-сирот у 2 150 отцы находились в Красной Армии, у 399 – в партизанах. Детей требовалось незамедлительно устроить.

По ведомственной принадлежности детские дома относились к Наркомпросу. Однако, учитывая остроту проблемы и наличие в системе НКВД отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, правительство возложило контроль за организацией и деятельностью детских домов в послевоенные годы на органы внутренних дел. Выполняя поручение, сотрудники НКВД БССР осуществляли постоянный контроль за работой детских домов в республике в форме проверок, проводимых силами штатных сотрудников и совместно с представителями общественных (партийных, комсомольских, профсоюзных и др.) организаций. По итогам проверок готовились сводки, отчеты и предложения в Совнарком БССР и ЦК Компартии Белоруссии, партийные и советские органы на местах. Сотрудники НКВД республики по итогам проверок постоянно в рамках своих полномочий анализировали деятельность персонала детских домов, на что неоднократно указывалось руководством НКВД – МВД БССР. Следует отметить, что сотрудники НКВД в целом успешно справились с организационной стороной дела. Количество созданных детских домов росло, увеличивался их контингент. В третьем квартале 1944 г. в детских домах содержались 19 875 детей-сирот. В первом полугодии 1945 г. в республике действовало уже 203 детских дома, в которых содержались 27 054 воспитанника. Однако и этого количества детских домов было недостаточно. К концу 1945 г. при самом активном участии сотрудников НКВД в БССР было открыто 245 детских домов, а к 1948 г. в Республике было организовано и действовало уже 294 детских дома, в которых находилось на воспитании 32 072 ребенка.

При организации детских домов республика столкнулась с огромными трудностями материального характера. Условия содержания в детских домах детей были достаточно тяжелые, не хватало самого необходимого. Лиозненский детский дом был размещен в 12 крестьянских избах, куда поселили 225 детей. Дети спали без матрацев на нарах в 2 яруса. В детских домах Полоцкой области месяцами не получали продукты, из-за чего были частыми случаи истощения детей, в январе 1945 г. в области были отмечены 8 случаев смерти от истощения. В детских домах часто не хватало продуктов питания, в результате чего дети голодали. В ходе проверки в мае 1947 г. сотрудники МВД вскрыли факты преступного характера, когда в ряде детских домов Брестской области питание фактически не было организовано, дети не получали хлеба по 2–3 дня, за счет детей питались члены семей сотрудников. Дети вынуждены были просить милостыню в окрестных деревнях, собирать в полях гнилой картофель. Подобные факты получали правовую оценку в соответствующих инстанциях.

В последующие годы сотрудники НКВД при обследовании состояния детских домов также неоднократно находили и вскрывали грубые нарушения в работе персонала: неготовность к зимнему периоду, плохое питание, распространенность инфекционных заболеваний и смертность среди детей, отсутствие дезинфекционных камер и др. Распространенным явлением было недофинансирование (что было уже виной местных властей) детских домов, вследствие чего сотрудники многих из них по 3–5 месяцев не получали и так невысокую заработную плату. Одной из серьезных проблем в деятельности детских домов была неудовлетворительная материальная база. Детские дома располагались в обветшалых, плохо отапливаемых помещениях, воспитанники жили в ужасающей тесноте. Все это приводило к болезням и массовым побегам детей. Только в 1944–1945 гг. из детских домов республики бежало 645 детей. В последующие годы количество побегов не уменьшалось, несмотря на предпринимаемые усилия администрации детских домов и сотрудников НКВД – МВД. Сотрудники милиции вскрывали подобные факты, информировали о них властные инстанции, помогали материально, как могли.

Сложное материальное положение детских домов БССР, несмотря на многочисленные сигналы сотрудников МВД в инстанции, сохранялось и на протяжении последующих лет. Сотрудники органов и подразделений НКВД / МВД республики в рассматриваемый период добросовестно выполняли поставленные задачи: в пределах своих полномочий постоянно контролировали и анализировали положение детей в детских домах, информировали органы власти об их работе и входили с предложениями в вышестоящие инстанции по улучшению ситуации. По инициативе работников НКВД / МВД и по результатам проведенных ими проверок детских домов местные партийные и советские органы принимали соответствующие меры для улучшения их работы. Можно констатировать, что постепенно, по мере улучшения материального состояния республики и повышения качества подготовленных педагогических кадров, ситуация в детских домах республики менялась к лучшему, в чем была немалая заслуга сотрудников НКВД / МВД БССР.